

съ дочечкой на одной изъ нихъ, съ какой то надписью. Вѣзжаю въ паркъ, который длинной березовой вѣковой аллеей приводитъ къ самому дому.

Подъезжаю къ террасѣ, на пей за столомъ вижу большое общество дамъ, мужчинъ, дѣтей.

Это — обѣдъ.

Часы показываютъ 6 ч. 5 м. вечера.

Извозникъ повернулъ направо за террасу. Подъезжаю къ подъѣзду. Встрѣчаетъ официантъ, спрашиваетъ, что угодно.

— Желалъ бы видѣть графа Льва Николаевича.

— Графъ сейчасъ только сѣли кушать. А вамъ по какому собственному дѣлу нужно ихъ видѣть?

— Графа или графиню? допрашиваетъ онъ меня.

Но прежде, чѣмъ я успѣлъ объяснить цѣль своего прибытія, выходитъ самъ Л. Н., приближается ко мнѣ, вопросительно — пытливо вглядываясь въ мое лицо. — Одѣтъ онъ въ обычный свой костюмъ — блузу, на этотъ разъ парусинную.

Я узналъ его сразу — такъ мало, показалось мнѣ, измѣнился онъ за эти 20 лѣтъ, или, лучше сказать, такъ хорошо онъ сохранился! Только похудѣлъ, посеохся какъ-то, посѣдѣли и порѣдѣли волосы на головѣ и бородѣ. Но выраженіе глазъ тоже, свидѣтельствующее о непрерывающей внутренней духовной работѣ.

— Что вамъ угодно? Чѣмъ могу служить? Кто вы? Вашу фамилію не могу припомнить, задалъ онъ мнѣ вопросы, очевидно не сразу меня признавая.